

*Эшонкулов Х.М.и.о.доцент кафедры
русского языка и методики его
преподавания Джизакского
государственного педагогического
института им. А.Кодыри.
г. Джизак. Узбекистан
xamraqul2020@gmail.com.
Мардонова Азиза студент
4 курса факультета русского
языка и литературы.*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Аннотация: Статья посвящена не решенному до сих пор вопросу о морфологическом статусе модальных слов. Делается попытка осмыслить единство и своеобразие семантических и грамматических признаков данного разряда слов. Традиционный семантико-синтаксический подход к вводно-модальным словам дополнен характеристикой их формально-морфологических особенностей, необходимых для выполнения ими функции свернутого метатекстового высказывания. Проведенные наблюдения позволяют считать модальные слова особой частью речи.

Ключевые слова и фразы: модальные слова; часть речи; модальность, семантических, синтаксический.

Abstract: The article is devoted to the still unresolved issue of the morphological status of modal words. Making an attempt to comprehend the unity and originality of the semantic and grammatical features of this category of words. The traditional semantic-syntactic approach to introductory-modal words is supplemented by the characteristics of their formal-morphological features necessary for them to perform the function of a folded meta-text statement. The observations made allow us to consider modal words as a special part of speech.

Key words and phrases: modal words; Part of speech; modality, semantic, syntactic.

Annotatsiya: Maqola modal soʻzlarning morfologik holati toʻgʻrisidagi haligacha hal etilmagan masalaga bagʻishlangan. Ushbu turkumdagi soʻzlarning semantik va grammatik xususiyatlarining birligi va oʻziga xosligini tushunishga harakat qilish. Kirish-modal soʻzlarga anʻanaviy semantik-sintaktik yondashuv ularning buklangan metamatnli gap vazifasini bajarishi uchun zarur boʻlgan rasmiy-morfologik belgilarining xususiyatlari bilan toʻldiriladi. Olingan kuzatishlar modal soʻzlarni nutqning alohida qismi sifatida koʻrib chiqishga imkon beradi. Tayanch soʻz va iboralar: modal soʻzlar; Nutqning bir qismi; modallik, semantik, sintaktik.

Модальные слова в вузовской учебной литературе выделяются в качестве особого морфологического класса с середины XX века. В лингвометодической традиции школьных учебников они до сих пор рассматриваются только в синтаксисе, в составе вводных компонентов (слова, словосочетания и предложения), что представляется вполне целесообразным и оправданным ввиду спорности выделения модальных слов как морфологического класса. Модальность, как известно, является одной из основных категорий предложения: она выражает отношение сообщаемого к действительности и отношение говорящего к сообщению. Морфологическим центром модальности является грамматическая категория наклонения, выражающая связь предикативного отношения с действительностью и представляющая его как реальное или ирреальное. На периферии функционально-грамматической категории модальности располагаются средства выражения субъективной модальности. Они указывают на отношение говорящего к высказыванию и представляют его как абсолютно достоверное (Мы сдаем завтра экзамены) или не абсолютно достоверное (Кажется, мы сдаем завтра экзамены). Средства выражения субъективной модальности рассматриваются как вводные слова в синтаксисе осложненного предложения. В науке вопрос об особых словах, имеющих дополнительное значение модальности, остается актуальным и спорно решаемым. Сравнивая предложения Он, говорят, долго работал и Мне говорят, что этот вывод имеет свои основания, И.И.Мещанинов отмечает, что «говорят есть глагол в 3-м лице множ. числа с неопределенно-личной семантикой... Таким он остается и в позиции вводного члена предложения», получая «семантический оттенок общей характеристики всего высказывания», который формируется за счет «синтаксического положения в строе предложения». И.И.Мещанинов,

однако, приводит примеры вводных членов предложения, представляющих «лексически обособленные слова», которые «не находят никаких соответствий в других частях речи» и «не могут быть причислены ни к именам, ни к глаголу, ни к наречиям». Например, в предложениях Чай, заждался? Небось, бранил дядю за то, что не едет (И.С. Тургенев) слова чай, небось «ни в одну другую часть речи не входят». «Но все же число их, по-видимому, незначительно», – заключает ученый. Вопрос выделения модальных слов как морфологического класса в концепции И.И. Мещанинова имеет, таким образом, аргументы «за» и «против» и соответственно не получает окончательного решения. Академик В.В. Виноградов, не включая модальные слова в круг частей речи, все же выделяет их в морфологии как особый структурно-семантический класс, довольно широко представленный. В нем модальные частицы (вряд, вряд ли, навряд, чуть, чуть не, ведь, все же, просто, едва, было, мол, знать, чуть, вишь, пожалуй, будто, авось, что ли, никак, наоборот, напротив, может быть, то-то и есть, есть, конечно, право, верно); модальные слова (действительно, буквально, нормально, решительно, собственно, верно, безусловно, подлинно, должно, видно, очевидно, вероятно, понятно, признаюсь, видишь, веришь, видите, знаете ли, извините, говорят, передают, разумеется, кажется, говорится, что называется, значит, признаться, видать, знать, словом, кстати, в частности, главное, самое большее, самое меньшее); модальные словосочетания (собственно говоря, так сказать, кто его знает, стало быть, не в обиду будет сказано, по всей вероятности, по крайней мере, в конце концов, как никак, всего-навсего, кроме того) . Вслед за В.В.Виноградовым особое место модальным словам в системе частей речи отводит Е.М.Галкина-Федорук. Она отграничивает их «как от самостоятельных, или полнозначных, так и от служебных слов», отмечая, что «место модальных слов в системе частей речи до сих пор не вполне определено», что «неясны и границы между модальными словами и модальными частицами», что «модальные слова очень часто переходят в частицы, и грани между ними и частицами провести очень трудно» . Судя по представленному исследователем материалу, частицы все же исключаются из модальных слов, с чем нельзя не согласиться, поскольку при всей семантической и функциональной близости модальные слова и частицы выполняют принципиально различные функции. Первые выражают отношение говорящего к высказываемому, т.е. являются

внешними по отношению к предложению релятивными словами. Вторые вносят различные модальные оттенки в предложение или его компоненты, включаясь в их состав, т.е. являются внутренними по отношению к предикации релятивными словами. Е.М.Галкина-Федорук исключает из класса модальных слов предложно-падежные сочетания к несчастью, к изумлению, к восхищению, к сожалению, к счастью, выделяя их в «особую группу слов, выражающих эмоциональное отношение человека к явлениям действительности». Полагаем, что такого рода словоформы следует оставить в кругу модальных слов, поскольку волевое и эмоциональное отношение говорящего к высказываемому вполне способно совмещаться. В связи с этим заметим, что в системе частей речи модальные слова и междометия противопоставлены не столько семантически (одни выражают волю, другие – чувства), сколько по способу репрезентации отношения. Первые выражают отношение посредством деривационных связей с номинативными словами (несчастье, изумление, восхищение, счастье), вторые – посредством оригинального по вербальному составу класса непроизводных слов, не мотивирующих эмоциональное отношение через слова-названия (ох, ах). Не кажется убедительным исключение из модальных слов значит, стало быть, кстати, мало того, кроме того, сверх того, помимо того, в частности, например, главное (главное дело), в конце концов и др. только на том основании, что они являются средствами связи. Эти слова действительно имеют двойную релятивность: выражают субъективно-модальные отношения говорящего по отношению к высказыванию посредством указания на характер связи между его частями. Например, в бессоюзном сложном предложении Солнечные пятна были на полу, потом перешли на прилавок, на стену и совсем исчезли; значит, солнце уже склонилось за полдень (Чехов) модальное слово значит соединяет две предикативные части, выражая семантические отношения следствия и модальные отношения гипотетичности между второй и первой предикативными частями. Не являются модальными, по мнению Е.М. Галкиной-Федорук, слова во-первых, во-вторых, в-третьих и т.п. Полагаем, что функция иерархического акцента в порядке изложения мыслей тоже относится к модальной: посредством указанных слов говорящее лицо выражает более и менее важные сообщения или части сообщения. Трудно согласиться и с тем, что не являются модальными словами кстати, к тому же, самое большое, самое меньшее, самое удивительное, едва ли, чуть ли не и др. Их

функция связи – присоединительная – вполне совмещается со значением субъективной модальности: они выражают спонтанность, неожиданность, количественно-эмоциональную оценку отношений между связуемыми компонентами с точки зрения говорящего лица. В «Грамматике современного русского литературного языка – 70» модальные слова не выделяются, рассматриваются в качестве синтаксических дериватов (синтаксически обособившихся слов) «в пределах прилагательного, существительного и глагола... (буквально, вероятно, главное и др.; правда, словом, в частности и др., признаюсь, видишь (ли), знаешь (ли), извините, кажется, разумеется, говорят, признаться и др.)». Не рассматривается морфологический класс модальных слов и в «Русской грамматике – 80». Л.Л.Буланин тоже не считает субъективно-модальную функцию слов достаточным аргументом для выделения их в особый морфологический класс: части речи имеют лексико-грамматический характер, а вводные слова не располагают ни своим лексическим составом, ни морфологическими признаками. Ф.И.Панков, анализируя семантические, морфологические и синтаксические признаки модальных слов, а также их участие в акте коммуникации, приходит к выводу, что они не представляют собой ни особых частей речи, ни самостоятельных словарных единиц, поскольку выполняют одну из синтаксических функций (позиций) слов наряду с позициями главных и второстепенных членов предложения. В вузовской лингвистической литературе сложилась традиция выделения модальных слов в отдельный морфологический класс, что имеет определенные основания. Модальные слова обладают спецификой семантического состава, морфологическими и синтаксическими особенностями, поэтому у них выделяется категориальное значение. Его можно сформулировать как выражение субъективной модальности по отношению к высказыванию или к связи его частей (следствие, вывод, иерархия, неожиданность, внезапность и т.п.), представленное отсутствием форм словоизменения, в которых модальные слова не нуждаются, поскольку в предложении занимают изолированную позицию, выполняя функцию вводных слов, что выражается и пунктуационно. Термин модальные слова подчеркивает синтаксическую мотивацию выделяемых слов. В синтаксисе, как известно, за модальными словами закрепился термин вводных слов. Он четко определяет их изолированную синтаксическую позицию в предложении, не указывая на функцию, связанную с категориальным значением

(прерогатива морфологии). Сопоставление модальных слов с другими морфологическими классами позволяет сделать вывод о том, что особый статус в частеречной системе определяется не только их синтаксичностью (появление каждого морфологического класса так или иначе обусловлено актом коммуникации), но и вполне определенным местом в частеречной системе. С одной стороны, они, как не называющие предметов и признаков, а выражающие отношение говорящего к речи, противопоставлены знаменательным частям речи, с другой – отличаются от служебных релятивных слов (предлогов, союзов, частиц), выражая не внутренние отношения в предложении, а внешние – связь сообщения с субъектом речи. В системе частей речи к статусу модальных слов наиболее близки междометия, которые, в противоположность модальным словам, традиционно выделяются в морфологии и не рассматриваются в синтаксисе, что не кажется последовательным, поскольку модальные слова и междометия объединяет не только позиция изоляции в предложении, но и сходная функция, которую можно назвать субъективно-оценочной. Более того, один из разрядов модальных слов, выражающий эмоциональное отношение говорящего к сообщению, сближается с междометиями и в семантическом аспекте. Разница между модальными словами с эмоциональным значением к междометиями заключается лишь в том, что модальная словоформа типа *к счастью* характеризует отношение через мотивирующие ее существительное *счастье*, а *ура!* не мотивировано. И те, и другие противопоставлены знаменательным частям речи (выражают не предметы и признаки, а отношения), и служебным частям речи (устанавливают внешние связи предложения со стороны говорящего лица). Все это дает основания для объединения модальных слов и междометий в особый морфологический класс релятивных слов, выражающих различные волевые и эмоциональные отношения субъекта речи к сообщению и занимающих изолированную синтаксическую позицию при отсутствии грамматической связи их с другими компонентами предложения. Следует заметить при этом, что способность выражать модальные отношения свойственна и другим частям речи. Значение достоверности сообщения может быть передано существительным (*По этому поводу у меня есть сомнения*), прилагательным (*Это сомнительно*), глаголом (*Сомневаемся в этом*) и т.п., но лишь для класса модальных слов это значение является самым общим, т.е. категориальным. Характеристика иерархии отношений

между синтаксическими единицами языка передается, как известно, градационными союзами, например: Ему удалось так близко и так ясно видеть не только черную одежду, но даже лицо и глаза монаха (Чехов). Но лишь модальное слово способно представить это значение как внешнее, а поэтому особо подчеркнутое говорящим лицом: Вероятно, ты не отказалась бы поехать на эпидемию вместо Володи. Более того, я убежден: ты мечтаешь об этом. Не так ли? (Арбузов). Признание статуса модальных слов в системе частей речи не исключает спорных вопросов, связанных с их местом и границами по отношению к другим морфологическим классам.

В предложении Действительно, он пробежал один только несколько шагов (Л. Толстой) выделенное слово не принадлежит к обозначенной выше парадигме, не входит в состав сказуемого, являясь модальным, выражающим высокую степень достоверности всего сообщения в целом. В этом случае отсутствует имплицированное противопоставление действия глагола пробежать другому действию (невозможно: пробежал, а не прошел).

Таким образом, в предложении Куприна частица действительно подчеркивает значимость процесса лежать посредством его имплицитного противопоставления другому, вербально не выраженному процессу, а в предложении Л.Толстого модальное слово действительно выражает высокую степень достоверности всего высказывания с точки зрения говорящего лица. Функция слова, таким образом, зависит от замысла автора, графически представленного пунктуационно, а в устной речи – интонационно.

Список литературы

1. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М. Просвещение, 1976.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) – М.: Наука, 1972. – 346 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка /Н.Ю.Шведова (гл. ред.). — М.: Наука, 1970/
4. Гужва Ф.К. Современный русский литературный язык (Словообразование. Морфология). – М., 1967, с.186/

5. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М., 1945/
6. Русская грамматика / Н.Ю.Шведова (гл. ред.). — М.: Наука, 1980.
7. Современный русский язык / под ред. Е.М.Галкиной – Федорук. Ч.2, Морфология. Синтаксис. – М., 1964, с.223-224/